

Марат Кулатаев

Зимние традиции

Перепутал

Кушикбай работал маленьким чиновником в учреждении, каких много в небольшом провинциальном городишке. Было ему уже за сорок лет. Это был худощавый, небольшого роста мужчина. Его лицо, кроме смирения и покорности, ничего не выражало. Женат он никогда не был, вёл замкнутый образ жизни, ни с кем дружбу не водил. Пить он не пил, читал только духовную литературу и местную газету, которая выходила раз в неделю. Жил он в двухкомнатной квартире, и то занимал одну комнату, а вторую сдавал одинокой излишне ворчливой старой деде, у которой из родни никого не было, жила она на небольшую пенсию. Звали её Магрипа.

Сегодня на работе у его сослуживца был юбилей, и по этому случаю он с коллегами немного выпил, потом, расхрабрившись, пошёл с ними после работы в кафе попить пива, чего раньше за ним не замечалось. Там он засиделся допоздна и пришёл домой поздно. Чтобы не разбудить квартирантку, он открыл своим ключом дверь и, не включая свет, потихоньку прошёл в свою комнату. Кушикбай хотел лечь спать, но он был после выпивки возбуждён, и ему спать не хотелось. А хотелось ему ещё добавить, но, увы, дома он спиртное не хранил.

Кушикбай разделся, лёг спиной на кровать и стал думать, где бы взять добавить. Пойти в ночной магазин нельзя: что про него люди подумают? Решат, что он алкаш. А он репутацией своей сильно дорожил. Взять у соседей в долг тоже нельзя: что подумают? Так он лежал и думал, а выпить уж больно сильно хотелось. Тут, к его радости, он вдруг вспомнил, что у его квартирантки в шкафу стоит какая-то бутылка с жидкостью, по всему—водка, которой она растирает свои старые ноги. «Одну рюмку выпью, она и не заметит»,—подумал он.

От радости он соскочил и в чём был—в больших семейных трусах и майке—потихоньку пробрался в комнату квартирантки. Там раздавался храп и пахло старым женским телом и бельём.

Он тихонечко взял бутылку и принёс её в свою комнату, в темноте налил себе рюмку и залпом выпил. От выпитого его словно ударило громом, внутренности у него все обожгло, будто бы ножом изнутри полоснули. Из глаз посыпались искры, и он упал на пол.

— Что это было?!—воскликнул он в страхе и понюхал свою руку, она пахла какой-то вонючей жидкостью, напоминающей то ли керосин, то ли технический спирт.

— Я умираю!—в страхе воскликнул он и бросился к своей квартирантке в комнату.

Там он включил свет и закричал:

— Магрипа! Помогите мне, я умираю!

— Кто здесь?! Вы, что ли?—в страхе прокричала Магрипа, закрываясь одеялом.—Как вы смели ко мне являться в таком виде?! Я хоть одинокая, но честная женщина, никогда в жизни голых мужиков не видела! Что вам нужно от меня среди ночи?

— Помогите мне, я умираю!—воскликнул в страхе Кушикбай.—Я выпил рюмку из вашей бутылки и, наверное, смертельно отравился!

— Как вы посмели брать у меня без спроса?! Я и так живу на одну пенсию! Я одна, одинока и беззащитна, так можно ко мне ночью в голом виде врываться?! Вы бессовестный человек! Обидеть меня так! Я и так обиженная жизнью...—и её понесло...

Кушикбай, поняв, что с ней бесполезно говорить, быстро накинув на себя одежду, бросился искать знакомого врача. В скорую он боялся звонить, опасаясь огласки. Врача, как говорится, легко искать, когда он тебе не нужен. А когда он тебе нужен, ты его днём с огнём не сыщешь.

Хотя была уже полночь, врача дома не оказалось, был он на каком-то тое в близлежащем селе. «Не бежать же среди ночи туда?»—подумал он и пошёл в аптеку, благо она была круглосуточная. Туда он долго звонил, пока не вышел заспанный хозяин и не открыл дверь. Аптека располагалась прямо в его доме.

— Что вам нужно?—спросил недовольно хозяин аптеки, по всему—пенсионер со стажем.

— Помогите мне, я выпил по нечаянности то ли керосин, то ли технический спирт и умираю! Дайте мне что-нибудь!—взмолился он.

Аптекарь внимательно посмотрел на Кушикбая и зашёл вовнутрь дома. Его не было почти полчаса, потом он вышел оттуда с большой толстой книгой, по всему—справочником практического врача, и сев за свой столик, стал её изучать. Он её изучал ещё час, потом, посмотрев на Кушикбая, грустно сказал:

— К сожалению, здесь ничего не написано про смесь керосина и технического спирта. Советую вам обратиться к врачу-токсикологу.

Кушикбай выскочил и побежал к себе домой. Там Магрипа продолжала, сидя на кровати, ругаться. Увидев его, живого и невредимого, она недовольно произнесла:

— Кругом все жулики, никому нельзя верить. Вот подсунули мне какую-то непонятную жидкость для растирания ног, была бы хорошая—ты бы уже давно ноги протянул.

И она продолжила ругаться, поминая всех и вся...

Зимние традиции

На дворе стояла суровая зима. Был уже декабрь месяц, снега навалило как никогда много. В деревнях полным ходом шёл зимний забой скота, простору говоря—согыма.

Сабыр на зиму зарезал годовалого бычка, но нужно было ещё хотя бы четверть лошади, это нужно было для соблюдения древней традиции зимнего забоя скота, называемой согымом. Тогда считалось, что в доме полный достаток.

Муж старшей сестры Тимур договорился в ближайшем совхозе «Дружба» на покупку четверти лошади. Время было тяжёлое в плане спиртного, полным ходом шла горбачёвская безалкогольная кампания, и хозяева лошади попросили вместо денег привезти ящик водки. Сабыр работал санитарным врачом в районной санэпидстанции, поэтому приобрести ящик водки ему труда не представляло.

В рабочий день он попросил Тимура свозить его в совхоз «Путь Ильича» за водкой, там работала знакомая продавщица. До совхоза было десять километров. У Тимура была служебная машина марки УАЗ, грузовая. Подъехав к совхозному магазину, по тому, что возле него стояла большая очередь, он понял, что не зря приехал. Одна была проблема—как войти в магазин и вытащить ящик водки, так как очередь могла просто-напросто растерзать. Народ в совхозе жил тёмный, любил выпивать, мог и не понять.

— Что будем делать? Смотри, какая большая толпа стоит возле магазина, — сказал Сабыр, показывая пальцем на столпившийся народ.

— Будем покупать. Что, зря ехали, что ли? — ответил Тимур.

— Как ты это себе представляешь, а? — сказал Сабыр, опасливая смотря на толпу.

— Пойди поговори с продавщицей, она же тебя знает. Там видно будет по обстоятельствам, — ответил решительно Тимур.

Отступать было поздно, да и неудобно перед зятем. Сабыр нехотя вышел из машины и зашёл в магазин. Очередь сразу же подозрительно уставилась на него, смутно догадываясь о цели его прихода: мол, самим мало, а ты тут ещё.

Сабыр как ни в чём не бывало подошёл к прилавку. Продавщица его сразу же признала и приветливо заулыбалась, забыв про очередь, показывая свои передние золотые зубы.

— Сабыр Советович здравствуйте! Вы сюда по делам приехали или опять меня проверять, что ли? — сказала, продолжая улыбаться, она.

— Да нет, по другим делам приехал, к директору совхоза, просто заглянул в магазин поглядеть, чем у вас тут торгуют, — ответил Сабыр.

— Может, вам что-то нужно? — сказала продавщица, вспомнив, как он хотел наложить на неё штраф, а потом пожалел, что её могут уволить с работы, как-никак продавец в селе первый человек после директора совхоза.

Добро она помнила.

— Да вот собрался резать лошадь, да у нас в райцентре водки нет, а без неё, сами знаете, резать никто не станет. Мне нужен ящик водки, — ответил Сабыр. — Хорошо, вот вам ящик водки, — сказала продавщица.

Сабыр не успел и глазом моргнуть, как она схватила ящик водки и бегом оттащила в машину на глазах у обезумевшей от такой наглости толпы. Не успел, как говорится, народ прийти в себя от такой наглости, как Сабыр быстро расплатился, запрыгнул в машину и был таков.

По дороге зятек всю дорогу поглядывал на водку, пытаясь что-то сказать, но никак не решался. Сабыр его опередил, сказав:

— Ну что, может, заедем ко мне домой и попробуем водочку?

— Это можно, — ответил он.

Уже через полчаса они весело сидели за бутылочкой водки. Как хорошо было после сорокаградусного мороза сидеть в хорошо натопленной комнате и пить холодную водку, закусывая луком и салом. Выпили одну бутылку, Тимур и говорит: — Что-то, шурин, я не понял вкуса!

У Сабыра уже от выпитого поехала крыша.

— Тимур, ты куда не торопишься? — сказал он. — Нет, а что? — ответил, икнув, зятек.

— Я тоже куда не тороплюсь, — сказал Сабыр. — А, ладно, гулять так гулять! Давай доставай ещё одну.

Утром Сабыр не помнил, как выпили вторую бутылку, куда делся зятек и когда он лёг в постель. Судя по далеко не доброжелательным взглядам жены, он понял, что вчера что-то натворил. Ещё вдобавок страшно трещала голова. Видать, водка плохая была, подумал про себя Сабыр.

— Далеко пойдёшь, если так жрать будешь! — сказала ему жена вместо «доброе утро». — Вчера прибегала твоя сестра, орала, что ты её мужа спаиваешь! — А я что делал? — спросил Сабыр.

— Ты её вместе с зятем посылал далеко за пределы района, — ответила жена и продолжила: — Твой зятек так нажрался, что машину не смог вести.

Сабыр выглянул на улицу—и точно, «уазик» сиротливо стоял у ворот.

— Хорошо хоть у Тимура хватило ума слить воду с радиатора,— сказал он.

— Это твоя сестра слила воду, он был не в состоянии,— ответила жена.

Сегодня была суббота, и нужно было ехать в совхоз «Дружба» резать лошадей, там, наверное, уже ждут— не нас, а водку, подумал Сабыр. Зачем нужно было вчера нажираться? Теперь пропала четверть лошади.

Размышления Сабыра прервал Тимур, который появился с утра пораньше, лицо его было опухшее и расцарапанное. Видать, постаралась сестра, сделал про себя вывод Сабыр. Делая вид, что ничего не случилось, Сабыр спросил Тимура:

— Ты не забыл, что нам нужно ехать в совхоз на согым?

— Помню, конечно, за этим я и пришёл. Давай лучше заведём машину, а то на улице под сорок мороза,— угрюмо ответил Тимур.

Тимур заправил лампу, разжёл её и поставил под поддон машины.

— Может, похмелимся?— предложил Сабыр.

— Ну её к чёрту, нам ещё ехать нужно в такую погоду,— отказался зять.— Лучше вскипяти воду для машины.

Сабыр набрал ведро воды, вставил в него самодельный двухкиловаттный кипятильник, и вода быстро нагрелась. Тимур завёл машину, залил горячую воду в радиатор, загрузил в неё оставшуюся водку, и родственники поехали в совхоз.

Жена напоследок сказала:

— Смотри не нажирайся, а то домой не пущу.

Пока завели машину, было уже около двенадцати часов пополудни. По дороге заехали на заправку и залили полный бак бензина. До совхоза было двадцать километров. Хотя стоял сильный мороз, мела сильная позёмка, такая, что временами вокруг ничего видно не было, только белая пелена. К тому же дорогу, наверное, давно не чистили, поэтому ехали на ощупь, временами машина пробуксовывала, хотя включены были оба моста. Сабыр про себя молил Бога, чтобы нормально доехать до совхоза, ему было уже не до согыма. От волнения у него даже перестала болеть голова.

После почти часовой езды внезапно показался посёлок. Обрадовались не только Сабыр с Тимуром, но и машина: «уазик», весело завывая, подъехал к нужному дому.

Для резки лошади было всё готово, резчики пришли с раннего утра, тут же были соседские женщины для мытья кишок. При виде машины все обрадовались, особый восторг вызвал ящик с остатками водки, который Тимур потащил в дом. Его все провожали восторженными взглядами.

Решили не тянуть время, быстро завалили лошадь, перерезали ей горло, затем сделали разрез

на брюшине, чтобы проверить по обычаю жирность лошади. Оказалось на три пальца. После этих важных процедур можно было позволить выпить по рюмке, что и сделали. Дальше дело пошло веселей: сняли шкуру, вытащили весь кишечник, отдали женщинам для мытья. Сабыр пошёл в дом помогать резать мясо на курдак. В доме, как он заметил, пьянка шла полным ходом, пили все мужики и женщины, которые мыли кишки.

«Если так будет продолжаться, то водки не хватит на курдак и мясо некому будет делить,— сделал вывод Сабыр.— Эти пьют почище нас с зятьком».

Помня, какая предстоит дорога, и наставления жены, Сабыр много не пил. Зато, как он и предполагал, все перепились до такой степени, что некому было есть курдак. На кровати, под кроватью валялись вповалку мужики и женщины. Мясо, неразделанное, лежало на снегу во дворе. Тимур тоже много не пил, предвидя исход дела. Он отделил четверть лошади, засунул в заготовленные заранее мешки и закинул в машину.

— Здесь нам больше делать нечего,— сказал он, обращаясь к Сабыру.— Поехали домой, пока светло.

Машину Тимур из-за сильного мороза не глушил. Усевшись в машину, Тимур с Сабыром поехали домой.

Домой вернулись рано, к тому же трезвыми, к крайнему удивлению жены. Сабыр предложил Тимуру попробовать согым дома. Айман, жена Сабыра, стала готовить курдак из свежего мяса.

Пока готовился курдак, Сабыр позвонил своему однокласснику Володе и пригласил его откусать свежины. Тот не стал долго себя упрашивать и буквально через полчаса появился.

Тимур тоже съездил за своей женой Райхан. Когда мясо поспело, все дружно сели за стол. Водки было достаточно, пили за согым, за здоровье, за достаток в доме. Когда опустела чаша с курдаком, все были хорошие, особенно Володя. Судя по его осоловелым взглядам, он не мог понять, как попал сюда. Еле ворочая языком, сославшись на занятость, он собрался идти домой. Сабыр помог ему одеться и проводил до двери. Минут через пять Володя вернулся назад: оказывается, он дошёл до ворот, а дальше, от выпитого, забыл дорогу домой. Сабыр его раздел и положил на кровать поспать.

Тимур с Райхан тоже собрались ехать домой, пока было светло. На этот раз жену он никуда не посылал.

В воскресенье, проснувшись рано утром, Сабыр обнаружил, что Володя, проспавшись, ушёл домой. Ну и хорошо, подумал он, тем более он позвал на свой согым. Управившись по хозяйству, Сабыр ещё немного полежал дома и ближе к обеду пошёл к Володе. Тот успел уже зарезать свинью и варил бешбармак. Тесто раскатывал сам.

— Слушай, Володя,— спросил его Сабыр,— а разве из свинины бывает бешбармак?

— А какая разница из чего? — просто ответил Володя.

Он деловито вытащил тесто, сверху разложил куски свинины в большой чашке и подал на стол. За стол сели его отец, брат, Сабыр и Володя. Мясо разрезал отец, Володя разливал водку. Вначале

Сабыр недоверчиво принюхивался к мясу, а после двух рюмок ему было всё равно, он ел мясо с тестом всей пятернёй. У него в голове застряла лишь одна мысль: главное — не забыть дорогу домой. И ещё он подумал: кому рассказать, какой он ел бешбармак, никто в это не поверит.